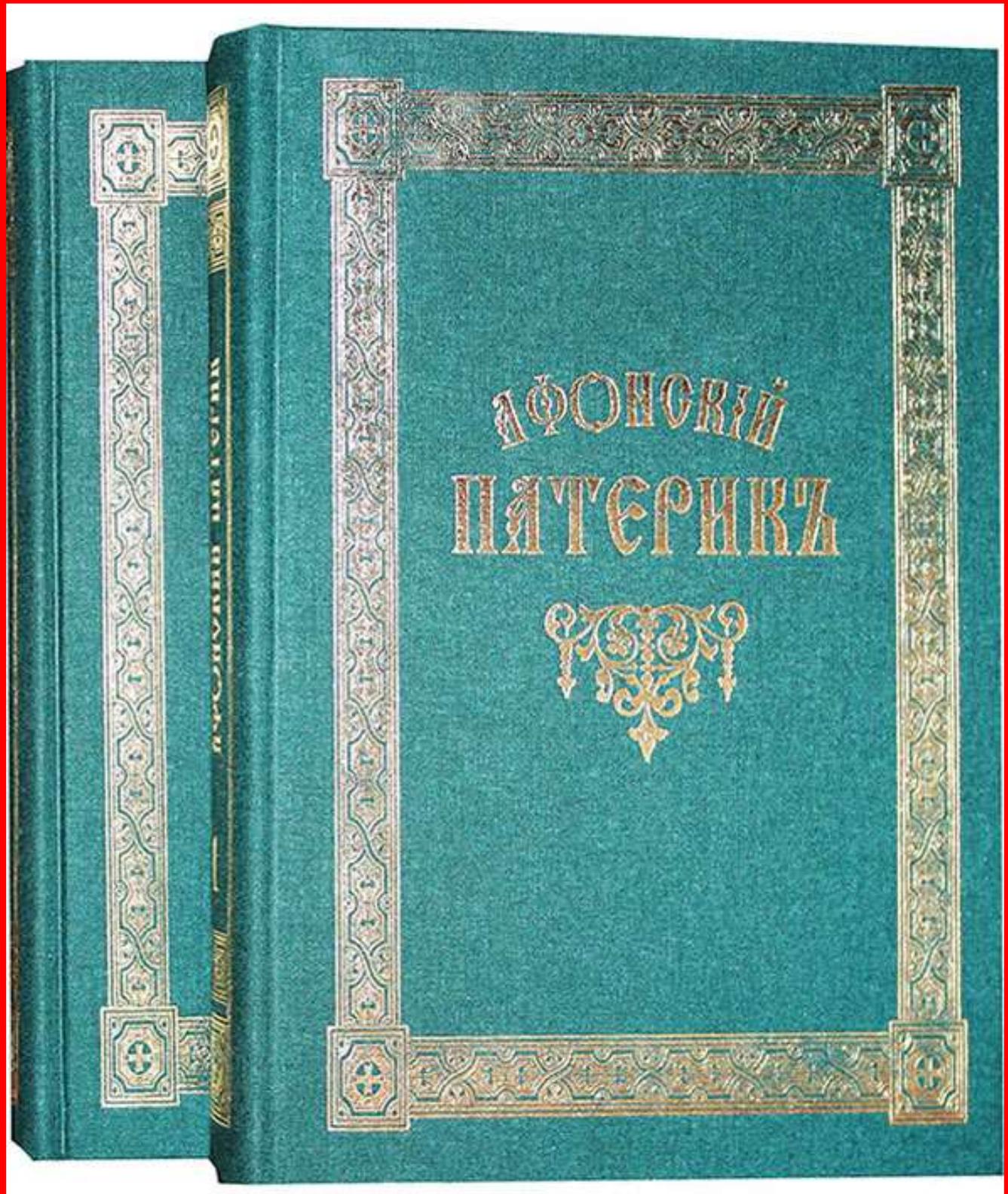

TEZAUUR LITURGIC

**PATERICUL
ATHONIT
II**

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

20 СЕНТЯБРЯ

Страдание святого преподобномученика Илариона²⁴³

Родина святого преподобномученика Илариона был остров Крит. Он происходил от христианских родителей – отца, по имени Франческо, и матери – Екатерины, а сам во святом крещении назывался Иоанном. Отец Иоанна имел еще двух сыновей и двух дочерей. Воспитанный родителями своими в благочестии и обучении грамоте, Иоанн с юности сохранил доброе устройство души. В одно время дядя Иоанна, который в Крите занимался врачевством, для более обширных занятий отправился в Константинополь, куда взял с собою и Иоанна. Прожив у дяди более десяти лет и будучи ничему не обученным, Иоанн горько раскаивался в том, что бесполезно прожил у него столько времени, а потому оставил дядю и поступил в услужение к одному хиосскому купцу Франческо. Однажды Франческо, по коммерческим делам отправляясь на остров Хиос, поручил торговлю в своей лавке Иоанну и еще другому его товарищу, который тоже находился в услужении у того же купца. Возвратившись с острова, Франческо при проверке вырученных за товар денег не

досчитался трехсот пиастров, в похищении которых заподозрил Иоанна. Требуя от Иоанна триста пиастров, купец грозил, что подвергнет его суду, если он не выплатит означенной суммы. Иоанн, видя стесненное свое положение, обратился к своему дяде, но дядя настолько был немилостив, что наотрез отказал ему в помощи.

Не находя своему горю никакого исхода и притом будучи не в состоянии переносить клевету, Иоанн впал в отчаяние. Во время такого мрачного состояния его души злокозненный враг-диавол внушил ему обратиться за помощью к матери султана. Послушавшись внушения диавола, Иоанн отправился во дворец, в котором жила мать султана. Там его представили к Баш-аге²⁴⁴, которому Иоанн объявил свое горе, прося у него помощи. Баш-ага обласкал Иоанна и, между прочим, сказал:

– Великое я доставлю тебе счастье и на будущее время во всем буду помогать тебе, если ты уверуешь в Магомета.

Несчастный юноша без всякого рассуждения, увлекаемый обещаниями аги и мыслью, что наконец он расплатится с хозяином, под действием дьявольского внушения изъявил согласие принять магометанскую веру. Услыша согласие, Баш-ага тотчас доложил султанше, а

та в свою очередь известила царя и несчастного отверженца немедленно приобщила к мусульманской вере, совершив над ним гнусное обрезание; потом, одев в придворное платье, приставила к нему учителя для обучения турецкой грамоте. По случаю этого события во дворце в этот день было великое торжество, а Баш-ага в довершение общей радости усыновил его и поместил в число придворных служителей.

Но, однако, это веселье недолго продолжалось: злобный и дерзкий похититель недолго держал в когтях словесную овцу Христову, которую обольстительным образом исторг из стада. Человеколюбец Бог, близкий всем ищущим и обращающимся к Нему и всегда готовый подать руку помощи Его призывающим, и сему отверженнику явил Свою милость. Через три дня, когда он пришел в себя, тьма и обаяние начали исчезать от воссиявшего в его сердце луча благодати Божией, и он, познав свое заблуждение, стал раскаиваться и положил твердое намерение бежать из дворца, который отселе стал его тюрьмою. Через двенадцать дней Иоанн навсегда оставил дворец и, придя к прежнему своему духовнику, иеромонаху Симеону, жившему в Бебеки (местность в Константинополе), вошел в его комнату и

радостно его приветствовал. Но духовник, не узнавая его, спросил, кто он и что ему надобно.

– Я твой духовный сын, – отвечал Иоанн.

– Почему же на тебе турецкая, а не христианская одежда?

– О отче! За этим-то я и пришел к тебе, чтобы очистить себя от этой скверной одежды. – Потом начал рассказывать ему все с ним случившееся, прося его мудрого совета и помощи, для спасения себя от могущих быть за ним поисков.

Слыша искреннее раскаяние Иоанна, духовник поскорбел вместе с ним о его падении, потом оставил его в своем доме, а сам пошел к соседу – русскому купцу, духовному своему сыну, посоветоваться с ним о дальнейшей участи Иоанна. Купец, как истинный христианин, порадовался обращению отверженника и сказал духовнику, чтобы он привел его к нему, так как он намерен отправить Иоанна в Россию. И действительно, чрез два дня Иоанна переодели в русское платье и отправили в Крым.

Пробыв в Крыму 10 месяцев, Иоанн во все это время не обрел душевного покоя, его сердце тосковало и приходило в трепет при мысли об отречении от Христа, а потому для примирения со своей совестью и Богом он решился возвратиться в Константинополь и там вступить в мученический подвиг.

Прибыв в Константинополь, Иоанн пришел к духовнику, иеромонаху Симеону, рассказал ему, что во все время пребывания в Крыму он не мог примирить себя с Богом и что тайная мысль подсказывает и преследует его исповедать пред турками христианскую веру и очистить свое падение своей кровью, приняв мученическую кончину. Но благорассудительный духовник посоветовал ему не вдруг вступать в такой страшный подвиг, а сперва отправиться на святую Афонскую Гору и там среди великих старцев приготовить себя к страданию за Христа. Иоанн послушался доброго совета и вскоре отправился на Святую Гору, и поселился в Иверском монастыре, где открыл иверским старцам как о себе, так и о своем падении. Старцы, с соболезнованием выслушав Иоанна, посоветовали ему поступить в Предтеченский скит под руководство духовника, Сергия, но Сергий не принял его к себе, а послал в скит Святой Анны к иеромонаху Виссариону, который, год тому назад, сопутствовал в Митилин на подвиг мучения преподобномученику Луке.

Придя в скит Святой Анны, Иоанн сперва обратился к духовнику Мефодию, рассказав которому все с ним случившееся несчастье,

просил его походить за собой, чтобы иеромонах Виссарион принял его в число своей братии.

Виссарион, быть может желая испытать Иоанна, с благим ли намерением он желает поступить к нему в ученики, сначала отказал ему, так что и просьбы духовника Мефодия не подействовали на старца. Иоанн же, во все это время стоя пред ним как осужденный, горькие проливал слезы, которые наконец смягчили Виссариона, и он согласился принять его к себе, но только с тем, чтоб об этом никто не знал из посторонних.

Принявши под свое руководство Иоанна, Виссарион повел его к подвижничеству трудными и скорбными путями, а чрез несколько времени для большего безмолвия заключил его на сорок дней в одной келье запустелого скита святого Василия Великого, назначив ему правило для псалмопения и молитвы. Но ненавистник добра диавол, желая воспрепятствовать начатой добродетельной жизни подвижника Христова, начал наводить на него страхования, особенно ночью; мечтания вражеские увеличились настолько, что Иоанн не в состоянии был более переносить их и на двенадцатый день ночью бежал из своего затвора, и возвратился к старцу, смиренно прося у него прощения за неисполнение его

воли, и умолял, чтобы Виссарион дал ему келью подле себя, на что старец согласился. Поместив его в келье близ себя, он назначил ему продолжать то же самое правило, которое он проходил в келье скита Василия Великого, а в пищу употреблять хлеб и воду.

Спустя несколько времени Иоанн стал просить Виссариона постричь его в ангельский образ, на что старец согласился и постриг его в монашество с именем Илариона. По принятии иноческого образа Иларион усугубил и подвиги, ревнуя во всем подвижникам Христовым, прежде до него бывшим, и приходил от силы в силу, укрепляя свою душу постом, бдением и молитвой.

Однажды, читая новый мартиролог, Иларион сильно воспламенился духом и у него родилось непреодолимое желание пострадать за Христа, на что и просил он благословения у Виссариона. Но старец возбранил ему, а советовал хорошенько испытать себя, сказав, что, быть может, родившееся у него желание произошло по внушению диавола, желающего смутить его душу и, отторгнув от руководства духовного отца, ввергнуть в своеволие. Но Иларион еще убедительнее стал просить и умолять старца благословить его на мученический подвиг и оставался в своем намерении и решимости

непоколебимым. Старец хотя и видел, что это желание произошло у него от благодати Божией, но, не доверяя себе, посоветовался с духовником Мефодием и со своим старцем Иоасафом, которые единогласно начали убеждать Илариона оставить свое намерение и в безмолвии устраивать свое спасение, но Иларион со слезами начал их просить отпустить его на страдальческий подвиг. Видя твердость мысли, старцы решились преподать Илариону благословение на великий и страшный подвиг пострадать за исповедание имени Иисуса Христа.

Слыша соизволение опытных мужей, Иларион обрадовался и, упав к ногам Виссариона, стал просить его, чтобы он сопутствовал ему на мучение, подобно тому, как он сопутствовал преподобномученику Луке. Но Виссарион начал отклонять от себя его просьбу, ссылаясь на то, что Лука был настолько юн – всего лишь шестнадцати лет – что имел нужду в соупутствии и подкреплении. «А тебе, – говорил он, – двадцать шесть лет и ты в совершенном возрасте, а потому мое соупутствие будет излишнее, дух же мой и моя грешная о тебе молитва неразлучны будут с тобой».

Иларион, слыша отказ старца быть ему спутником и утешителем на пути мученичества,

горько залился слезами, которые привели всех в умиление, так что старцы, Мефодий и Иоасаф, стали просить Виссариона исполнить желание Иоанна. Тронутый просьбою старцев, Виссарион согласился и вскоре стал готовиться в путь. В это время на Афоне был бывший вселенский патриарх Григорий, которому Виссарион объявил тайно о своем деле. Святитель порадовался его доброму произволению, вознес о мученике святительскую молитву и, снабдив Виссариона рекомендательными письмами к одному своему другу, преподал ему благословение в путь.

10 сентября Виссарион с Иларионом оставили Святую Гору и, будучи управляемы рукою Вседержителя, 16 дня того же месяца, в пятницу, прибыли благополучно в Константинополь. На другой день старец приобщил Илариона запасными святыми Христовыми Тайнами, которые взял с собою и хранил при себе в дароносице. Ночь с субботы на воскресенье провели они в бдении и молитве. В ночь сию совершаемо было бдение за старца Виссариона и за святого мученика и в скиту св. Анны, так как Иларион, отправляясь в Константинополь, просил, чтобы в следующее воскресенье совершили о них бдение, а потом во всю седмицу каждодневно отправлялось бы в

храме Божиим молебствие, дабы Господь помог благополучно подвигом добрым подвизаться, веру соблюсти и течение совершить с благим концом.

Для укрепления мученика Господь открыл ему во сне все то, что с ним должно случиться. Поутру Иларион рассказал старцу о сне и указал место, где ему отсекут голову, потом предсказал, что тело его из-под власти турок христиане выкупят и что старец сам своими руками погребет его, – все это действительно и исполнилось, как увидим о сем ниже.

В воскресенье старец еще раз приобщил Илариона святых Таин, потом одел его в турецкую одежду и проводил до дворца, в котором Иларион ранее отвергся Христа.

Придя во дворец, мученик явился к Баш-аге и, показывая вид как будто бы он обрадовался, видя усыновившего его отца, поцеловал его руку. Баш-ага, увидев Илариона, начал расспрашивать, где он столько времени пропадал (шестнадцать месяцев) и почему он теперь не в придворной одежде, в которой был до этого.

– Я ездил в Россию, – отвечал мученик, – а так как на путевые расходы не хватило у меня денег, то я оную продал и купил себе попроще. – Потом вдруг переменял разговор и тихим

голосом начал говорить аге: «Не скрою от тебя, господин мой, зачем я пришел сюда, дело вот в чем: сделавшись турком, я только и наслаждался покоем три дня, но после этого, когда обман обнаружился предо мною во всей своей наготе и я пришел в сознание, то сильно начал раскаиваться в моем заблуждении, а чрез двенадцать дней убежал из этого дворца и уехал на корабле в Россию. Много пролил я слез, много тосковала моя душа, не находя мира и той святости, которые были прежде, а так как я убедился, что ваша вера есть не что иное, как прелесть и обман, а христианская – истинная и спасительная, поэтому, оставив заблуждение и опять сделавшись христианином, я проклиная вашу веру со всею вашей мнимой святыней и обрядами.

Слыша столь оскорбительные слова, ага хотел остановить мученика от дальнейшего разговора, но Иларион просил его благодушно выслушать до конца и, между прочим, продолжал: «Много получил я от тебя благодеяний, не исключая и того, что ты сделал меня своим сыном и приблизил к царю. Не желая остаться неблагодарным за твои милости и внимание, умоляю тебя, послушай моего совета: пойдём в Россию, где ты примешь христианскую веру и спасешь свою душу для жизни вечной, а я

неотлучно буду пребывать с тобою и служить тебе, как отцу, до самой моей смерти. Лучше этой благодарности я не нахожу другой, которая бы ее превосходила».

Выслушав Илариона, Баш-ага пришел в ярость и начал бить его чубуком до тех пор, пока онный не изломался в куски; при этой тревоге на шум собрались многие из придворных служителей. Но мученик, благодушно вытерпев побои, с кротостью отвечал своему мучителю:

– Таковую ли ты воздаешь мне благодарность за то, что я тебе посоветовал оставить тьму и прийти к истинному свету? Вместо того, чтобы воздать мне справедливую благодарность, ты немилостиво начал бить меня!

Баш-ага, от ярости и почти не веря своим глазам, что на самом деле все это происходит в действительности, спросил мученика:

– Что это, несчастный, сделалось с тобой?

– Да, действительно, со мною сделалось чудо, что Тот, Которого я пред тобою отвергся, по человеколюбию Своему опять принял меня в Свое наследие. Божественная Его благодать коснулась моего сердца, и я теперь проклиная вашу веру со всеми вашими обрядами; говоря это, он сбросил с головы повязку, начал попирать ее ногами, а на голову надел иноческую скуфью, которую прятал за пазухой.

Видя все это, ага кипел яростью; при этом желая во что бы то ни стало уговорить мученика отвергнуться Христа, начал его ласкать, уговаривать и обещал исходатайствовать великие почести, но страдалец остался непоколебим на все лестные его обещания. Не получив от мученика согласия и видя его непреклонным на все обещания, ага отослал его к адъютанту султанши, пред которым святой мученик не только не отвергся Христа, но еще стал уговаривать и его принять христианскую веру.

После этого отослали мученика к Бостанжи-паше, начальнику дворцовой стражи, который начал склонять страстотерпца Христова к отречению от христианской веры сперва ласками и разными обещаниями, но видя во всем себя побежденным, приказал его мучить. Мучение состояло в растяжении суставов и ломании членов, но мученик, имея в своих страшных муках Помощника, укрепляющего его, Христа, мужественно и терпеливо переносил все эти страдания. После этого тяжкого мучения отправили его к Капти-паше, который страдальца Христова подверг три раза наказанию, так называемой «фаланге»²⁴⁵, а после оно, забив ноги в колоды, бросил в мрачную темницу. Находясь в темнице, Христов

мученик сподобился причаститься святых Таин, которые были переданы наблюдавшим за ним старцем чрез одного благочестивого христианина.

На третий день, во вторник, когда в Порте был государственный совет, тогда в оный представили и мученика, как подсудимого, требующего строгого наказания.

Как только святой мученик вошел в присутствие, то не выжидая, пока его спросят, обратился к судьям и сказал:

– Прошу, господа судьи, выслушать меня: всего только третий день, как я приехал в Константинополь, чтобы достойным образом отблагодарить своего благодетеля, Баш-агу, за его обо мне покровительство, и предложил ему вместе со мною ехать в Россию, чтобы там он принял христианскую веру, но он оказался настолько неблагодарным, что за все это не только сам избил меня, но даже выдал меня немилосердным мучителям, от которых я принял столько мучений.

– Кто ты? – спросил его председатель.

– Христианин, – отвечал мученик.

– Читай салавати (т.е. исповедание веры мусульманской), – грозно заметили ему другие.

– Да будет проклята ваша мусульманская вера, – громко и безбоязненно сказал святой Иларион, –

делайте со мною что хотите, – режьте, строгайте мое тело, но ничто не может меня отвратить от любви и веры в Господа моего Иисуса Христа.

– Несчастный! Давно ли ты сам добровольно исповедовал нашу веру; тебя никто к оной не принуждал; ты сам добровольно принял ее, а теперь отрекаешься.

– Да, действительно, я это сделал, но сделал по своему неразумию, по стесненным обстоятельствам; главный же виновник всему тому злу – диавол, который обольстил меня чрез своих служителей, но когда я увидел и познал истину и свое заблуждение, оставил тьму и пришел к свету. А потому советую и вам оставить ваше заблуждение и ложного пророка Магомета, уверовать в Искупителя нашего Иисуса Христа и наследовать Царство Небесное и жизнь вечную.

Судьи, видя непоколебимость мученика, осудили отсечь ему голову, что в тот же день был и исполнено.

Когда привели святого мученика на место казни, на то самое, о котором предсказал он своему старцу, страдалец Христов преклонил колена и простер шею к усечению. Тяжелый меч палача опустился, и мученическая глава отделилась от тела, изъязвленного тяжкими побоями, а святые уста шевелились, читая

символ православной веры – так, как было ему заповедано иеромонахом Виссарионом, чтобы он в то самое время, когда преклонит под меч голову, читал исповедание веры. Таким образом совершилась мученическая кончина святого Илариона, 20 сентября 1804 года, во вторник в 6^м часу пополудни, а святая его душа ныне радуется в лице пострадавших за исповедание имени Иисуса Христа.

Как только обезглавлен был преподобномученик Иларион, тотчас дано было известие одним христианином Николаем, тщательно наблюдавшим за ходом всего дела, иеромонаху Виссариону, который немедленно и с великой радостью пошел на место казни видеть мощи святого мученика, ученика своего. Отсюда он отправился в патриархию и обратился к протосинкелу Иоанникию с просьбою, чтобы он своим убедительным словом подвигнул христиан выкупить у турецкой стражи святые мощи мученика, так как уже носились слухи, что турки по истечении узаконенного срока (трех дней) решили мощи мученика сжечь или бросить в море. Протосинкел, выслушав старца, прославил Бога, укрепившего святого страстотерпца, охотно согласился исполнить его желание и немедленно известил о сем некоторых

благоговейных христиан, которые и выкупили святое тело из рук алчной стражи.

Получив многострадальное тело преподобномученика Илариона, старец Виссарион честно и с псалмопением совершил погребение оного на острове Проти, в церкви Преображения Господня, подле мученика Димитрия Хиосского, который назад тому три года пострадал за имя Христово. Исподнее же платье и часть волос с головы преподобномученика Илариона благочестивые христиане разделили между собою в освящение.

Но судьбам Божиим благоугодно было тотчас же прославить мощи мученика чудесами, так как Господь говорит в Священном Писании: «прославляющи Мя прославлю» (1Цар. 2, 30); посему и Своего угодника начал прославлять чудесами.

Так, все три дня, в которые тело мученика оставалось на поверхности земли непогребенным, не только не потерпело оно разрушения от действия воздуха, но оставалось невредимо, бело и не издавало запаха тления. Один христианин, прибывший по усердию из Константинополя на о. Проти на погребение тела мученика Христова, издавна страдал хронической болезнью, но, движимый чувством благоговения и усердия к святому – хотя и с

большим трудом – пришел поклониться угоднику Божию, за что и не остался без награждения, ибо как только облобызал святые мощи, тотчас сделался здоровым, как будто бы никогда и не был больным.

Один благочестивый константинопольский христианин, Константин, питая глубокое уважение к старцу Виссариону, попросил его к себе в дом для благословения его семейства. Старец исполнил просьбу, пришел в его дом и, когда подошла под благословение младшая его дочь Александра, восьми лет, имевшая в себе сокровенного беса, Виссарион поднял руку для благословения. В этот момент бес сотряс несчастную, бросил оземь, потом изо рта начала точиться пена, и она сделалась как мертвая. Жалкое было зрелище! Юное существо, лишь только еще вступило в жизнь, уже было похищено душегубцем, который основал в ней себе жилище. Подошедши к несчастной, Виссарион перекрестил больную одеждой с власами святого мученика Илариона и вместе с тем сказал: «Святой Иларионе, помози мне в час сей!» – И еще старец не успел кончить изображения на ней крестного знамения, девица изbleвала часть крови и восстала с земли совершенно здоровою. Отец, видя дочь свою здоровой, прославил святого мученика и с тех

пор ежегодно праздновал с верою и благоговением память преподобномученика Илариона. Вскоре после этого чуда иеромонах Виссарион отправился на Святую Гору, куда при помощи Божией чрез два дня прибыл благополучно.

По прошествии более года Господь Бог, прославляемый чрез святых Своих, благоволил еще совершить чудо чрез святого Илариона. Так, у помянутого Константина был друг, у которого заболело дитя; болезнь приняла быстрое течение, так что врачи приговорили его к смерти, не находя никаких вещественных средств к уврачеванию лютой болезни. Узнал об этом Константин и, взяв хранимые у него частицы крови и волос преподобномученика Илариона, пришел в дом своего друга, возложил на дитя эту святыню, и умирающее дитя тотчас зашевелилось, обнаруживая этим признаки жизни, а вскоре совершенно выздоровело. Молитвами и предстательством святого преподобномученика Илариона да сподобимся и мы получить Царство Небесное от Христа и Бога, Которому подобает честь и слава, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

* * *

243

С рукописи скита святой Анны.

244

Начальник над агами.

245

Для наказания так называемой «фалангой» употреблялось следующее приспособление: к круглому дереву известной длины прикрепляются веревки, которыми туго притягиваются к дереву обнаженные ноги наказываемого и поднимаются вверх, после чего по подошвам бьют гибкими прутьями.

